
Ирина Григорьева, Михаил Равчик

ЭКОСИСТЕМА ГОРОДСКИХ СЕРВИСОВ (ЭГС): ПРИОРИТЕТНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ (ЭЛЕКТРОННЫХ) УСЛУГАХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Статья основана на идеологии Международного Мадридского плана по активному старению и разработанного на его основе Индекса активного старения (*Active Ageing Index – AAI*), где приоритетное место отдается занятости пожилых. Подход «активного старения» полностью укладывается в рамки классической и современной активистской социологии. Кратко анализируется социальное обслуживание пожилых в России, которое развивается с конца 1980-х годов, а в 1995 г. было унифицировано и введено в рамки федерального закона. Затем, в 2004 г., реализация функций социального обслуживания вместе с финансированием, были переданы на уровень субъектов РФ. Однако до сих пор мало исследованных, где уточняется, в каких услугах нуждаются сами пожилые. Развивается также государственное пенсионное страхование и обеспечение, в рамках которого решается вопрос, какие выплаты, с какого возраста и на каких условиях предоставляются гражданам. В начале 1990-х годов были открыты и службы занятости, но пожилым всегда предлагались вакансии на низкоквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие места. Цель статьи – показать, что потребности и возможности «старшего поколения» заметно меняются, а существующий подход к предоставлению социальных услуг, сложившийся, в основных чертах, в 1990-е годы, устарел. Наш основной исследовательский вопрос: соответствуют ли проектируемые цифровые экосистемы (сервисы, услуги) положениям, закрепленным в Мадридском плане? Многие пожилые хотят продолжать

Ирина Андреевна Григорьева – д. социол.н., профессор, в.н.с., сектор социологии здоровья, руководитель Центра социальных исследований старения, Институт социологии, филиал федерального научно-исследовательского центра РАН, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: soc28@yandex.ru

Михаил Игоревич Равчик – аспирант, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: st056234@student.spbu.ru

трудовую или волонтерскую деятельность, в том числе, осваивая цифровую среду. Поэтому дополнительный вопрос следующий: учитываются ли потребности пожилых в трудовой деятельности цифровыми и традиционными поставщиками социальных услуг? Основным эмпирическим материалом статьи является проект Администрации Санкт-Петербурга по цифровизации услуг гражданам, в том числе и пожилым, на основе перечня их потребностей (электронные государственные услуги – ЭГС СПб). В настоящее время этот проект быстро развивается. Статья носит аналитический и полемический характер. Делается вывод, что социальные услуги должны поддерживать достигнутый и нормативный статус пожилого человека как взрослого, независимого и сохраняющего самостоятельность и достоинство.

Ключевые слова: пожилые, пенсионная система, социальное обслуживание, цифровизация услуг, продолженная взрослость и занятость, экосистема городских сервисов

В настоящее время для людей старше 60 лет используются разнообразные обозначения: пенсионеры по старости, нетрудоспособные, возрастные, люди 3-го или серебряного возраста, *young old*. В последние годы фокус внимания ученых и специалистов помогающих профессий, медицины сосредоточен на позиции, что старость может быть достойной, активной, отложенной. Это не «период дожития». Новые технологии, достижения науки и медицины впервые позволяют прожить этот этап иначе, чем прежние поколения.

В обществе, обозначаемом как индустриальное, шла «обработка» бывших крестьян в индустриальных работников, включение их в равномерную температуру, превращение в «исчисляемых работников», необходимых для фабричного производства. «Наблюдать за индивидами, их исправлять (в обоих смыслах этого слова) означает наказывать и воспитывать, дисциплинировать их» (Фуко 2005). В контексте индустриализации, миграции и урбанизации, разрушивших традиционную многопоколенную семью, пожилые становятся все более «дисциплилируемыми». Вопрос обеспечения пожилых в период, когда они уже не смогут заниматься тяжелым фабричным трудом, был решен в 1880-е годы с помощью системы пенсионного страхования, отцом которой считается канцлер Германии Отто фон Бисмарк. Система предполагала, что отчисления на пенсию делаются в течение всего периода занятости работника. Важно было установить временные и финансовые нормативы, – сколько лет нужно работать (трудовой стаж), каков необходимый размер отчислений для определенного периода получения пенсии (период дожития) и в каком возрасте работник имеет право получить «пенсию по старости» (по нетрудоспособности вследствие наступления «возраста старости»). К концу XIX в. почти вся Европа с небольшими модификациями внедрила данную систему, которую,

без каких-либо натяжек, можно назвать дисциплинирующей. В протестантских странах установленный пенсионный возраст был 65 лет, в католических могли быть вариации, но нигде не ниже 60–62 лет. Таким образом на государственном и общеевропейском уровне легитимно был решен вопрос, что пожилыми, более того, старыми, нужно считать пенсионеров.

Современность меняет тренды и понимание старости. Наряду с тем, что большинство пожилых людей уже получают пенсию, развивается система предоставления социальных услуг пожилым, т.е. социального обслуживания. При этом осознается, что люди одного и того же возраста могут требовать совершенно разные услуги. Актуальным становится вопрос о пересмотре взглядов на старость. В связи с этим разрабатывается Международный Мадридский план по активному старению (МИРАА) (UN 2002) и на его основе Индекс активного старения (Sidorenko, Zaidi 2013). Идея «активного старения» укладывается в рамки классической и современной социологии, от Макса Вебера до Юргена Хабермаса и Алена Турена, с их пониманием важности труда, независимости от государства и других форм субъектности и самоорганизации.

В России социальное обслуживание на дому стало развиваться с конца 1980-х годов, как помощь в доставке продуктов питания и «отоваривания» талонов на них в магазинных очередях. С 1992 г. очереди сменились дороговизной и необходимостью искать, где можно купить продукты дешевле. Такая форма активности зачастую была не под силу пожилым. К тому же размер пенсии сильно отставал от роста цен на продукты, и это закрепило пожилых в статусе слабых и нуждающихся в посторонней поддержке. Такое представление легло в основу российского законодательства, и в 1990-е годы обслуживание отчасти компенсировало низкие доходы пожилых бесплатными услугами (ФЗ 1995). Надомное социальное обслуживание в виде доставки продуктов пожилым, быстро расширилось. Тогда это было инновацией, поскольку до конца 1980-х существовало только стационарное обслуживание для одиноких пожилых или помощь пожилым со стороны семьи и родственников.

Современная Россия является наследником системы социального обслуживания СССР, в том числе и обслуживания пожилых. В 1995 г. социальное обслуживание пожилых было унифицировано и введено в рамки федерального закона, а в 2004 г., реализация функций социального обслуживания вместе с финансированием, были переданы на уровень субъектов РФ. Несмотря на реформирование и развитие профессиональной социальной работы с 90-х гг. XX в., все еще недостаточно изучено, в каких услугах нуждаются сами пожилые. Даже с цифровизацией социальных услуг, вопрос об их доступности и соответствии потребностям пожилых остается непроясненным. Исследователи более десяти лет назад обнаружили существенное расхождение между тем, что хотели бы получать пожилые, и тем, что предлагают и могут предложить социальные службы

(Куприянова 2012). В начале 1990-х были открыты и службы занятости, но пожилым всегда предлагались вакансии на низкоквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие места.

В 2013 г. новый закон допустил НГО и коммерческие организации к поставке социальных услуг, что позволило значительно разнообразить услуги. Но, на наш взгляд, в настоящее время подход к предоставлению услуг устарел, так как старение отодвинулось на 10–15 лет, и многие пожилые не только продолжают независимую жизнь, но на Западе и в России продолжают работать. В этом отношении часть пожилых ведет себя по собственному выбору, но в соответствии с идеями активного старения и Индексом активного старения. В России в качестве измерителя положения пожилых официально используется Индекс активного долголетия (Приказ МЭР 2019), после целого года обсуждения возможных адаптаций ААИ. «Старение» в названии индекса заменено на «долголетие» (*longevity*), которое не несет негативных коннотаций. Но введение Индекса и расширение собираемых статистических данных для оценки положения пожилых в формате ААИ никак не изменило подход к социальному обслуживанию, никак не повлияло на общественное принятие концепции старения с сохранением независимости.

Считается, что после 75 лет многие пожилые для сохранения независимого проживания нуждаются в периодическом или постоянном сопровождении или технически оборудованном жилье (*smart home*). Подобные дома есть в Петербурге и Москве, а также ряде городов РФ. Однако их недостаточно или не все пожилые о них знают. Как правило, в них есть постоянно дежурная медсестра и минимальное оборудование для оказания медицинской помощи (Мануильская и др. 2021). Но в данном случае важен не возраст, а состояние пожилого человека. Для продолжения занятости, получения значительного спектра социальных услуг, сохранения независимости и жизни в «умном доме» требуются устройства для выхода в интернет и владение навыками формирования запроса необходимой информации или заказа услуг.

Экосистема городских сервисов (ЭГС): приоритетные потребности в электронных социальных услугах старшего поколения

В настоящее время около 90% населения России является интернет-пользователями, это примерно 130 млн чел., проводящих в сети до восьми часов в день. Нынешняя молодежь со временем состарится, однако не уйдет из всемирной сети, ставшей для большинства пространством реализации бытовых, социально-экономических и досуговых потребностей. Постепенно и регулярно растет количество активных интернет-пользователей старшего поколения. По состоянию на 2022 г., в возрастной группе 65+

доля пользователей интернета составила 13%, и по объективным причинам эта цифра будет только расти (Finexpertiza 2022). Интернет перестает быть пространством только для молодых.

Несмотря на возрастающую долю пожилых в структуре интернет-пользователей, мы можем наблюдать очень медленную адаптацию интернет-пространства под потребности и особенности современных пожилых людей. В цифровой среде сформировался дискриминирующий стереотип пожилого человека как пассивного потребителя. Он появился из патерналистской политики социальной защиты и отношения общества к пожилому человеку как «снова ребенку» и был воспринят рынком интернет-услуг. Современное интернет-пространство, построенное на модели индивидуализма и ориентации на быстро меняющуюся среду, практически не учитывает потребности пожилых, и тем самым подкрепляет стереотип о старости, воспроизводит его через нерелевантные подходы к созданию сервисов, специализирующихся на потребностях старшего поколения. Это накладывает ряд ограничений и особенностей, которые следует учитывать при приоритезации потребностей пожилых людей и проектировании сервисов для них.

Для пожилого человека нет острой необходимости часто заходить в интернет-пространство и проводить в нем много времени, так как сервисов, специализирующихся на пожилой аудитории, не так много. Большая часть таких сайтов и платформ, нацеленных на старшую возрастную аудиторию, не адаптирована под наиболее популярный формат потребления интернет-контента у пожилых – с экрана мобильного телефона. Например, для того, чтобы находить и сравнивать более выгодные предложения покупок. Но многие приложения сервисов-агрегаторов в мобильной версии менее удобны, чем с экрана компьютера (Mediascope 2022: 4). Неадаптированность десктопных версий под мобильный – удобный для пожилых – формат можно распространить на пользование интернетом вообще. Проектирование сайтов и платформ для пожилых пользователей требует учета возможностей интуитивной навигации, простого для восприятия интерфейса и дизайна в стиле минимализма, что уменьшает желание создавать специализированные для пожилой аудитории сервисы. Сфера электронной коммерции не воспринимает пожилых как активных потребителей цифровых товаров и услуг не столько из стереотипа о том, что пожилые не являются интернет-пользователями, сколько из стереотипа о том, что пожилые не включены в активное потребление товаров и услуг.

Выход на пенсию способствует появлению интереса к другим видам деятельности, кроме трудовой занятости. Мы предполагаем, что обслуживание должно быть дифференцированным, и для «активных пожилых» направлено на возможность продолжать взрослость, повышать квалификацию, сохраняя занятость и независимость, тем самым откладывая старение. Для тех пожилых, которые считают, что пенсия – период отдыха, уже

предлагаются и должны предлагаться другие услуги. Это могут быть досуговые услуги, спорт, оздоровительная медицина, хобби. Важной становится доступность информации о проводимых мероприятиях на различных цифровых платформах и в приложениях (Орлов 2021, Парфенова 2022). Например, возможность создавать в настройках фильтр на пуш-уведомления о проходящих мероприятиях. Однако такие нюансы использования приложения предполагают достаточно высокий уровень цифровой грамотности, а отсутствие необходимых навыков может быть препятствием для развития цифровизации социального обслуживания (Архипова, Бородкина 2021). Для них, часто дезориентированных многообразием информации в интернет-пространстве, востребованными оказываются сервисы, предоставляющие полную и аккумулированную информацию о доступных активностях.

Еще одной проблемой взаимодействия пожилых с цифровой средой является высокий порог для входа, например, в досуговые пространства. Кроме государственных, существует множество мультिवозрастных цифровых досуговых сервисов: онлайн-кинотеатры; видеоигры; интернет-порталы, специализирующиеся на общении; социальные сети; цифровое искусство и культура. Как и прочие цифровые сервисы, они не учитывают потребности пожилых: в дейтинговых приложениях у вас скорее возникнут трудности с поиском партнера одного возраста, онлайн игры в основном ориентированы на молодежную среду, кинотеатры имеют, как правило, сложный интерфейс и подписку, не всегда доступную для пенсионеров и нет системы скидок (например, за написанные комментарии и рецензии). Цифровое искусство и культура также требуют от своей аудитории высокой экспертности, которой пожилые люди часто не обладают. Подобная экспертность обретается в процессе регулярной деятельности в цифровом пространстве, что для пожилых пользователей осложняется и другими барьерами входа.

Таким образом, анализируя приоритеты потребностей пожилых в цифровых услугах, мы сталкиваемся с несколькими уровнями проблем: учет потребностей пожилых в мобильных приложениях, цифровая грамотность пожилых, чтобы уметь воспользоваться предоставленными возможностями, необходимость цифровизации многих сервисов, предоставляющих услуги пожилым, высокий порог для входа.

В настоящее время в Петербурге разработана экосистема городских сервисов (ЭГС) – новая модель информирования горожан о существующих услугах, направленная на интеграцию существующих онлайн сервисов в едином пространстве (навигаторе) и распределение исходя из потребностей целевых групп, очерченных в рамках собственной ролевой модели ЭГС (например, роль «Я пенсионер»). В 2021–2022 гг. планировалось ее внедрение, но пока оно не завершено. По словам вице-губернатора С. Казарина, с помощью электронных сервисов, объединенных в единую систему, петербуржцы смогут закрыть до 80% возникающих в их жизни потребностей. Предприниматели, оценившие новую модель, сравнили ее с маркетплейсом.

Однако реализовать экосистему в полном виде, со всеми заявленными вице-губернатором сервисами, будет крайне сложно, добавили они (РБК 2021).

Важно, чтобы система ЭГС была дружелюбной к потребителю, а не только удобной ее создателям (*friendly, but not usability*). Например, в данный момент большим просчетом проектировщиков ЭГС является отсутствие услуг по трудоустройству пожилых. Роль «Я пенсионер», входящая в ЭГС, объединяет различные цифровые сервисы, с помощью которых можно получить государственные услуги, актуальную информацию, помощь в организации жизни и удовлетворении основных потребностей. Но данный фильтр в экосистеме опирается на традиционное представление о праздных пожилых, и совсем не учитывает заинтересованность в поиске работы.

В данный момент на сайте ЭГС в роли «Я пенсионер» представлены следующие потребности:

- записаться на бесплатные события и курсы;
- записаться на курсы лечебной физкультуры;
- записаться на курсы финансовой грамотности;
- записаться на курсы цифровой грамотности;
- купить или забронировать билеты на культурные мероприятия со скидкой;
- получить льготы: куда обратиться, необходимый список документов;
- получить социальные услуги;
- сравнить стоимость жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП);
- узнать о способах защиты от мошенников;
- узнать про активное времяпрепровождение для пенсионеров.

Как можно увидеть, в роли «Я пенсионер» в основном учтены образовательные и досуговые потребности пожилых. Однако, учитывая тренды долгожительства и положения Мадридского плана, будет уместно также внести в перечень потребности, удовлетворение которых способствует включению пожилых в более разнообразную социальную жизнь, а также обеспечению ее достойного уровня жизни. Обе эти потребности снова приводят нас к обсуждению вопросов, связанных с трудовой деятельностью пожилых. С нашей точки зрения, предоставляемые современной системой социального обеспечения услуги, даже принимая во внимание их бесплатность или низкую стоимость, все еще не позволяют компенсировать утраченный в результате выхода на пенсию доход. В то же время для досуга пожилых есть переоборудованные библиотеки, льготные билеты в театры, дома культуры, бесплатные экскурсии, о которых тоже пожилые часто не знают. И замечательные программы, которые развивают НКО, подобные *Russian grannies* (2023) – маркетплейс товаров ручной работы и услуг от старшего поколения, где не только пожилые работают и зарабатывают, но и включены во взаимодействие с молодыми волонтерами, помогающими организовать интернет-торговлю.

В свою очередь, трудовая деятельность пожилых людей (или юридическая защита возможности её продолжения) не только решает вопрос качества жизни за счет обеспечения пожилых людей стабильной заработной платой, но и положительно влияет на интегрированность пожилых в социальные взаимодействия, позволяя выстраивать новые социальные связи с коллегами как в цифровом, так и в традиционном формате занятости. Продолжающих работать пожилых намного больше, чем получающих социальное обслуживание или досуговые услуги. Официально трудоустроенные пожилые не могут претендовать на получение социальных услуг в организациях, входящих в реестр поставщиков социальных услуг. Цифровые экосистемы предлагают более широкие возможности осуществления выбора как социально-досуговых услуг, не входящих в государственную систему социального обеспечения, так и возможности продолжать трудовую занятость. В подобном контексте цифровые экосистемы оадают большей гибкостью, нежели традиционные источники поиска работы. Цифровые сервисы для поиска занятости предлагают как более широкий спектр возможных вакансий, так и разнообразные формы занятости. Включение данных сервисов также может привести к снижению количества пожилых людей, продолжающих трудовую занятость в «серой» зоне, тем самым уменьшая риски их прекаризации.

В сравнении с традиционными поставщиками услуг, цифровые экосистемы могут оперативнее реагировать на изменения в потребностях пожилых. Экосистемы, подобные ЭГС, могут послужить альтернативой государственной системе в предоставлении досуговых и образовательных услуг, если примут во внимание положения Мадридского плана. Проводя постоянный мониторинг актуальных сервисов, экосистемы имеют возможность предлагать выбор своим пожилым пользователям, не замыкая их на тех или иных потребностях, тем самым позволяя составить индивидуальную траекторию старения, опирающуюся, в первую очередь, на желания самих пожилых людей.

Продолжение занятости с точки зрения пожилых

Повышение благополучия старшего поколения и содействие их занятости является приоритетной задачей 2-го этапа Стратегии действий в отношении пожилых (Распоряжение Правительства РФ 2016). Эта задача обозначает изменение отношения общества и государства к пожилым, которых долго убеждали в том, что время пенсии – время заслуженного отдыха. Несмотря на большое число работающих пожилых в последние десятилетия, работа после 55/60 лет считалась чем-то сугубо вынужденным, связанным только с низким размером пенсий, а не с потребностями более высокого уровня. Экономически рост числа продолжающих работать пенсионеров был зачастую обусловлен разрушением связки между размером пенсии,

стажем работы и уровнем заработной платы (Синявская 2017). Регулярно появлялись публикации о том, что пенсии компенсируют не более 20–30% утраченного заработка, при том, что международная норма предусматривает не менее 40% (Конвенция МОТ 1952). С полным основанием можно сказать, что «театрализация социального долга» по отношению к пенсионерам (Дебор 1999) успешно работала, и долгое время они были электоральной опорой доверия к власти. Но это доверие было разрушено пенсионной реформой.

Мотивы самих пожилых относительно продолжения работы изучались мало и сводились к тому, что «пенсии не хватает». В этом отношении драматический поворот во взаимодействии пожилых и государства произошел даже не в 2018 г., а немного раньше, в 2016, когда прекратился перерасчет страховой части пенсии. Это моментально привело к переструктурированию рынка труда, к кажущемуся снижению занятости пенсионеров с 14325 тыс. чел. в 2014 г. к 7765 тыс. чел. в 2021 г. (Росстат 2022). Сам Росстат объясняет, что снижение численности работающих пенсионеров по сравнению с 1 января 2016 г. обусловлено вступлением в силу Федерального закона (2015), предусматривающего отмену индексаций пенсий работающим пенсионерам. Мы полностью уверены, что та, весьма солидная часть пожилых, которая ушла из занятости, перешла в неформальную, «серую» занятость, осуществляемую «по договоренности» с работодателями. Эту ситуацию можно интерпретировать как win-win, поскольку пожилые получили право на искомый перерасчет пенсии, а работодатели сэкономили на пенсионных отчислениях, размер которых велик (ФНС 2020). Уход работников предпенсионного и пенсионного возраста с постоянного места работы в неформальную занятость стимулирует Федеральный Закон № 422 (2018). В соответствии с ним пенсионер имеет статус неработающего (то есть получает перерасчет пенсии, а это существенное повышение!), сохраняет все положенные неработающим пенсионерам льготы и компенсации, но теряет права на оплаченные больничный и ежегодный отпуск, что тоже немало.

В «белой» занятости остались или бюджетники, у которых нет возможности договариваться с работодателями, или высококвалифицированные специалисты, для которых потеря работы – это не только потеря зарплаты, но и огромный удар по статусу, качеству жизни и чувству самореализации. Работа самими пожилыми называется источником самореализации в ряде исследований (Парфенова 2023, Козлова 2017). Поэтому мы считаем, что крайне важно, проектируя сервисы для пожилых, не ограничиваться предложением досуговых услуг, а дополнять их услугами поиска работы на приемлемых для самого пожилого человека условиях. «Пожилые хотят от работы удобного графика, укороченного дня или недели, более длинного отпуска» (Климова 2022). По данным Росстата на 2019 г., самозанятых в нашей стране – около 5%. Среди работающих не по найму во всех группах по типам занятости (в том числе и среди самозанятых) мужчин больше, чем женщин. Но в этой же группе по численности пожилых женщин старше

70 лет вдвое больше, чем мужчин, а именно 2278 на 1000 мужчин (Statdata.ru 2021) По данным Центра трудовых исследований ВШЭ, главная причина ухода пожилых работников в самозанятость – стремление перейти к более комфортному графику работы (Рощин, Солнцев 2020).

Однако пока мы видим недостаточно исследований о том, что пожилые могли бы предложить работодателям, например, более терпимое отношение к работе вечером или в выходные, по сравнению с взрослыми семейными людьми, или что-то другое. Ясно, что рынок труда меняется и фрагментируется довольно быстро (Сизова, Григорьева 2019), при этом он очень регионализован и неоднороден (Сизова и др. 2022). Но многие люди, возможно, все еще ищут стабильности и постоянной работы, хотя такое стремление все труднее реализовать.

В настоящее время не совсем понятно, нужны пожилые государству в качестве рабочей силы или, скорее, не нужны? Наряду с повторяемой мантрой о недостатке рабочих рук, ни государство, ни бизнес ничего не делают для того, чтобы удержать пожилых даже на тех местах, где не требуется высокая квалификация, но где их могут заместить мигранты. И замещают, ведь затраты на пенсии и медицину для мигрантов государство не заботят, а работодателей привлекает дешевая рабочая сила. В сырьевой экономике образование и квалификация стоят мало и ничего не гарантируют, а пенсионные права нарушаются. Повторим, что об отношении к работающим пожилым больше всего говорит нелепое, с экономической точки зрения, и несправедливое политическое решение не пересчитывать страховую пенсию.

Опасения, что пожилые занимают рабочие места молодых, нам кажутся безосновательным. Немалая часть молодежи уже довольно давно не рвется в офисы, а работает из дома, в сетях, на улицах. К этому «передовому отряду занятых» присоединяются и пожилые, которые ценят возможность гибкого рабочего времени и возможность своим временем распоряжаться. От многих стереотипов в отношении пожилых давно пора отказываться, о чем мы не раз писали (Григорьева, Келасьев 2016). Да и новые тренды на рынке труда явно не свидетельствуют о конфликте за рабочие места между пожилыми и молодыми.

Многие пожилые, в западных странах в том числе, продолжают работать после пенсионного возраста, который, как уже было отмечено, постепенно достигает 67 лет в ряде стран, открывают свои бизнесы или капитализируют свои навыки-хобби. Все это увеличивает ощущение свободы и уверенности в своих силах, которое куда приятнее ощущения того, что «люди смотрят сквозь нас», о чем говорят многие пожилые. «...если в 50-е и 60-е гг. на вопрос: «Какую цель Вы преследуете в жизни?» – люди четко и ясно отвечали в категориях «счастливой семейной жизни»: построить собственный домик, купить автомобиль, дать детям хорошее образование, то к началу 90-х гг. многие заговорили на другом языке – по необходимости

неопределенном – о «самоосуществлении», «поисках идентичности», «развитии личных способностей» (Бек 2000: 143).

Заключение

Политика российского бизнеса приводит к ускоренному выводу работавших предпенсионеров и пенсионеров с рынка труда, хотя квалифицированная их часть успешно владеет или овладевает навыками, необходимыми для дистанционной работы. Но сохраняя социально-экономическую независимость, люди продолжают свою «взрослость», которая может быть названа «поздней или продленной» и не становятся пожилыми, несмотря на возраст 65+. Сегодня это все более востребовано, поскольку на рынке труда/занятости все более очевиден дефицит кадров в большинстве отраслей производства. Эта проблема обсуждалась на VII Международном Форуме труда в Санкт-Петербурге весной 2023 г. Так, на 1 сент. 2022 г. количество молодых работников 20–24 лет уменьшилось на 265,0 тыс. человек, а 25–29 лет – на 560,0 тыс. человек (VII международный Форум 2023). В ряде регионов количество вакансий серьезно превышает число соискателей.

Зато за самые последние годы резко выросло число самозанятых, к началу 2023 г. 6,78 млн. При этом известно, что пенсионеры/пожилые работники предпочитают самозанятость из-за более гибкого и удобного режима труда. Учитывая, что ряд самозанятых не выходит из тени, оценки их количества колеблются от 8% до 11%. Растет также «платформенная занятость», используемая теми, кто владеет цифровым доступом (Еремичева 2023). Многие из «поздних взрослых» регулярно инвестируют в свое образование, особенно в «цифровое». В их число входят высококвалифицированные пожилые, сохраняющие свою занятость в науке, образовании, медицине, технике. Многие, владея интернет-технологиями, уже развивают «серебряную экономику» в области торговли и производства товаров или услуг.

Говоря о наполнении «роли пенсионер» в ЭГС услугами и сервисами, мы рекомендуем отказаться от прямолинейного «помогающего подхода», поскольку такой подход смещает пожилых вниз по социальной лестнице и увеличивает неравенство, что не соответствует нормативности социального государства. Необходимо учитывать, что у разных групп пожилых разные приоритеты, в сферу их интересов могут входить как обслуживание на дому, так и поиск работы или активного досуга. Следует обратить внимание на широкое информирование о возможностях таких сервисов через СМИ. Очень жаль, что некоторые пожилые и через 30 лет после организации системы и социального обслуживания не знают, что она существует, и как туда обратиться. Возможно, кому-то все еще нравится чувствовать себя «жертвами» системы, лишенными заботы государства (Богданова 2006).

А возможно, коммуникативный менеджмент социального обслуживания выстроен до сих пор плохо, с чрезмерным расчетом на активность и самоответственность, которой как раз часто не хватает пожилым.

В то же время можно отметить, что страхи цифровизации часто оказываются оправданными, причем именно для пожилых. Однако дискуссия по поводу перспектив ослабления «цифровой сегрегации» требует отдельной статьи.

Отсутствие информированности часто создает тот самый высокий порог входа для пожилых. Мало кто знает, что в Национальных проектах есть большое количество образовательных программ, фактически бесплатных, позволяющих или приобрести новую профессию или повысить квалификацию в существующей. Они так же могут помочь пожилым приобрести уверенность в себе и повысить запросы в своих резюме, которые в настоящее время довольно скромны (Сизова и др. 2022: 52–54). Цифровые платформы могут содействовать как активной социальной жизни пенсионеров, так и их деятельности в рамках малого бизнеса. Цифровизацию стоит рассматривать как инвестицию в разные группы населения, которая может давать контролируемые результаты. Какие – это вопрос, но над ним надо размышлять, а не отмахиваться от сложного вопроса.

Современные сервисы для пожилых, предлагаемые как государством, так и НКО, развиваются в направлении социальных инвестиций в занятость и повышение качества жизни пожилых, но этим трендам нужно больше внимания СМИ. И конечно, в ЭГС должна быть роль «Пожилый работник» с вариантами стандартной и любой другой нестандартной занятости.

Материалы для анализа

Finexpertiza (2022) *Количество активных интернет-пользователей в России выросло на треть с 2017 года*. Доступно по ссылке: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/kolich-inter-polz-vyros/> (дата обращения: 9 января 2023).

Mediascope (2022) *Медианопотребление*. Доступно по ссылке: https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf (дата обращения: 9 января 2023).

Russian grannies (2023) *В поддержку творческого старшего поколения*. Доступно по ссылке: <https://russianguannies.ru/> (дата обращения: 9 января 2023).

Statdata.ru (2022) *Число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы на 2021 год*. Доступно по ссылке: https://www.statdata.ru/nasel_pol_vozr (дата обращения: 5 сентября 2023).

UN (2002) *Political Declaration and Madrid International Plan of Action on Aging. Second World Assembly on Aging*, April 8–12, 2002. Madrid, Spain.

VII международный Форум труда (2023) *От рынка труда к рынку занятости: новая реальность/основные тренды*. Доступно по ссылке: <https://labourforum.ru/programmy> (дата обращения 17 марта 2023).

Закон СССР (1956) *О государственных пенсиях от 14 июля 1956 г.* Доступно по ссылке: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=&n=44832&req=dos#008593642762220366> (дата обращения: 9 января 2023).

Конвенция МОТ (1952) *О минимальных нормах социального обеспечения*, № 102. Доступно по ссылке: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/social-security/WCMS_249300/lang-ru/index.htm (дата обращения: 9 января 2023).

Приказ МЭР (2019) *Об утверждении методики расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации*, № 634 от 31.10.2019.

Распоряжение Правительства РФ (2016) *Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года*, № 164-р от 05.02.2016.

РБК (2021) *В Петербурге создан «маркетплейс» городских услуг.* Доступно по ссылке: https://www.rbc.ru/spb_sz/26/03/2021/605db3339a7947a083ab5ec6 (дата обращения: 16 сентября 2023).

Росстат (2022) *Старшее поколение.* Доступно по ссылке: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 9 января 2023).

ФНС (2020) *Белая, серая и черная зарплата. Преимущества и последствия.* Доступно по ссылке: https://www.nalog.gov.ru/rn21/ifns/imns21_31/info/9698716/ (дата обращения: 16 сентября 2023).

Федеральный закон (1995) *О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов*, № 122-ФЗ от 02.08.1995.

Федеральный закон (2013) *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации*, № 442-ФЗ от 28.12.2013.

Федеральный закон (2015) *О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий*, № 385-ФЗ от 29.12.2015.

Федеральный закон (2018) *О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»*, № 422-ФЗ от 27.11.2018.

Список источников

Архипова Е. Б., Бородкина О. И. (2021) Проблемы и противоречия цифровой трансформации социальных служб в России. *Социология науки и технологий*, 12 (4): 116–134.

Бек У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.

Богданова Е. А. (2006). Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 7 (1): 77–90.

Григорьева И. А., В. Н. Келасьев (2017) Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения. *Успехи геронтологии*, 30 (2): 243–247.

Дебор Г. (1999) *Общество спектакля*. Москва: Логос.

Еремичева Г. В. (2023) Кадровый дефицит – важнейший тренд современного рынка занятости. В. Ю. Бочаров, З. М. Саралиева (ред.) *Институциональные возможности и ресурсы российских работников в поиске согласия*. Нижний Новгород, ННГУ им. Н. И. Лобачевского: 61–71.

Климова С. Г. (2022) Самозанятые россияне старшего возраста как группа прекариата. З. Х. Саралиева (ред.) *Персонал старшего возраста как человеческий капитал современной компании: условия, возможности, ограничения*. СПб: Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН: 17–18.

Козлова Т. З. (2017) Самореализация людей старшего возраста. *Социальные исследования*, (1): 54–61.

Куприянова Т. А. (2012) Активизирующие технологии социального обслуживания пожилых людей. *Автореферат дис. канд. соц. наук*. СПбГУ.

Мануильская К. М., Рогозин Д. М., Грязнова О. С., Ипатова А. А., Вьюговская Е. В. (2021) *Жизнь вне изоляции. Концепция нового социального дома*. РАНХиГС: Дело.

Орлов Г. М. (2021) Цифровое развитие здравоохранения: акцент на трансформации взаимодействия с пациентом. *Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего*, (5): 9–16.

Парфенова О. А. (2022) Здоровьесберегающие практики пожилых горожан в условиях отложенного старения. *Успехи геронтологии*, 35 (5): 679–685.

Парфенова О. А. (2023) Траектории продленной занятости после 60 лет у представителей творческих и интеллектуальных профессий. *Журнал исследований социальной политики*, 21 (3): (в печати).

Роцин С. Ю., Солнцев С. А. (ред.) (2020) *Работники предпенсионного возраста на рынке труда в Российской Федерации*. М.: ВШЭ.

Сизова И. Л., Григорьева И. А. (2019) Ломкость труда и занятости в современном мире. *Социологический журнал*, 25 (1): 48–71.

Сизова И. Л., М. М. Русакова, А. А. Александрова (2022) Рынок труда соискателей и трения в поиске работы на современных онлайн-платформах. *Экономическая социология*, 23 (5): 42–73.

Синявская О. В. (2017) Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений. *Экономический журнал ВШЭ*, 21 (4): 562–591.

Фуко М. (2005) *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2*. М.: Праксис.

Sidorenko A., Zaidi A. (2013) Active Ageing in CIS Countries: Semantics, Challenges, and Responses. *Current Gerontology and Geriatrics Research*. Available at: <https://www.hindawi.com/journals/cggr/2013/261819> (accessed 7 July 2023).